

**КАУЗАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР ВЫСКАЗЫВАНИЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Наталья Билан

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

Билан Наталія. Каузативні відношення в системі відношень семантико-синтаксичних структур висловлювань в російській мові.

В статті розглядається проблема встановлення суб'єктної перспективи полісуб'єктних висловлювань та характер функціонування каузуючих складових в семантико-синтаксичних структурах висловлювань російської мови. Доводиться, що всі ролі, які відповідають каузуючому елементу семантичних структур речень, відносяться до ролі агент, що діє на рівні цілісної структури речення та здійснюють визначальний вплив на семантичну структуру речення.

Ключові слова: *семантичні синтаксичні структури, поверхневі синтаксичні структури, каузація, потенціальність, контролювання, гіперроль, агент, пацієнт.*

Билан Наталья. Каузативные отношения в системе отношений семантико-синтаксических структур высказываний русского языка.

В статье рассматриваются проблема определения субъектной перспективы полисубъектных высказываний и характер функционирования каузирующих составляющих в семантико-синтаксических структурах высказываний русского языка. Доказывается, что все роли, соответствующие каузирующему элементу семантических структур предложений, относятся к роли агента, действующей на уровне целостной структуры предложения и оказывающей определяющее воздействие на семантическую структуру всего предложения.

Ключевые слова: *семантико-синтаксические структуры, поверхностные синтаксические структуры, каузация, потенциальность, контролирования, гиперроль, агент, пациент.*

Bilan Nataliya. Causative relations in the system of relations of semantic syntactic structures of Russian utterances.

The article deals with the problem of determining the subject perspective of the multi subject utterances and the character of causal constituents functioning in the semantic syntactic structures of Russian utterances. The author considers that the contradictory approaches to determining semantic roles abundant in modern syntactic studies are attributable to the limitations imposed on both the classes of nouns that can name the role of the agent and the surface syntactic position it can have. The author substantiates that all the elements performing the causative role of the semantic syntactic structures of sentences correspond to the hyper role of the agent that acts at the level of the entire sentence structure determining its semantic syntactic structure.

Key words: *surface syntactic structures, semantic syntactic structures, causality, potentiality, control, hyper role, agent, patient.*

Постановка проблеми. Несмотря на интенсивность лингвистических исследований в области семантики синтаксиса, отсутствует единый перечень семантических критериев определения принадлежности актантов к ядерным ролям – агенту и пациенту. Это объясняется в данном исследовании следующими причинами:

1. разнообразием классификаций предикатов;

2. установлением ограничений на лексико-семантические классы имен существительных, которые могут быть определены в качестве агента;

3. ограничениями на синтаксическую позицию, которую агент может занимать в поверхностной структуре;

4. отсутствием единых непротиворечивых семантических критериев выделения ролей семантических структур высказываний.

Мы считаем, что лежащая в основе данных противоречий классификаций ролей проблема определения субъектной перспективы полисубъектных высказываний разрешается прежде всего признанием языковых фактов – лексико-грамматической семантики таких нормативных и частотных языковых форм как активные синтаксические конструкции с неодушевленными актантами в позиции подлежащего и с одушевленными актантами в позиции дополнения поверхностных структур высказываний русского языка, конструкций с дезактивирующим дательным падежом, с предикатами аффективного воздействия и состояния.

Целью данной статьи является обоснование того, что диагностическими семантическими признаками семантической роли агента являются признаки определяющей или обуславливающей,

каузирующей ситуацию роли; потенциальности и контролирования.

Анализ последних исследований и публикаций. Считая значения, описывающие состояния лица обязательно детерминированными, М.В. Всеволодова относит систему этих значений к одному из фрагментов системы именной каузальности, входящей в состав функционально-семантического поля причинности (обстоятельственные поля). Автор отмечает, что как система значений состояния лица, так и языковая категория именной каузальности в целом полностью еще не изучены [9; с. 10]. Категория именной каузальности выражается именной причинной группой, в свернутом виде представляющей причинный фактор (порождающую ситуацию) или его следствие (порождаемую ситуацию), то ли и первый, и второй элементы причинно-следственных отношений. Например, в предложениях 1. *Я обрадовался его приходу* (причина, порождающая ситуация представлена в свернутом виде); 2. *Прекрасный внешний вид придает вам уверенность в себе* (в свернутом виде находится следствие, порождаемая ситуация) [9, с. 91 – 93].

Тем не менее, несмотря на детальную разработанность ролевой семантики М.В. Всеволодовой, семантический признак «быть каузирующим, определяющим ситуацию» даже по отношению к одушевленным существительным не оказался достаточным основанием для определения такого лица, как агенс, и следует полагать, что предпочтение в следующих предложениях отдается актантам, помещенным в позиции подлежащих формальных структур: 3. *Может быть Сережа пришел сюда по просьбе брата?* (Пермяк); 4. *... по жалобе обывателей его послали в дальний монастырь* (Горький); 5. *По ходатайству О.Ю. Шмидта его включают в состав экспедиции*; 6. *С любезного разрешения учителя я сижу в школе* [9, с. 147]. Выделенные существительные этих предложений в концепции М.В. Всеволодовой соответствуют роли «каузатор», которым является «...лицо, создающее ситуацию, определяющее поведение других участников». Эта роль «каузатор» в ролевой системе М.В. Всеволодовой относится к ролям, «осложняющим ситуацию» [там же].

Следует отметить, что, рассматривая каузальные сирконстанты, М.В. Всеволодова пишет, что причинные сирконстанты – это еще не до конца исследованная система, но ясно, что эта система пересекается в ряде случаев с ролями протагониста [9, с. 150]. В подтверждение этой связи М.В. Всеволодова приводит пример с ролями:

1) каузатора-лица, которая все же относится в классификации этого автора не к ролям типа «протагонист», а к ролям, «осложняющим ситуацию» [9, с. 147]: 7. *Тут уж Серпилин приехал не сам, а по вызову мачехи* (Симонов) [9, с. 150];

2) стимула-1. Эту роль М.В. Всеволодова приписывает предмету или событию, определяющим фактом своего наличия или в силу определенных качеств поведение, отношение или характеристику других участников: 8. *Мешковатая брезентуха придавала Чинкову простецкий вид* (Куваев); 9. *Турнир по гимнастике привлек сюда тысячи зрителей*; 10. *Пестрые вывески, нарядные витрины, кафе и ресторанчики сделали эту улицу излюбленным местом горожан* [9, с. 142].

Однако М.В. Всеволодова оговаривает, что роль «стимул-1» находится на периферии зоны протагониста и пересекается ролями объектного и сирконстантного типов: 11. *В мешковатой брезентухе Чинков выглядел простецки* – одна из реализаций дескриптива; 12. *На турнир в спорткомплекс пришли тысячи зрителей* – финитив-4 (сирконстанты); 13. *За пестрые вывески, нарядные витрины, за кафе и ресторанчики горожане полюбили эту улицу* – каузатив (сирконстанты). На основании этих корреляций автор приходит к выводу, что стимул-1 – это своеобразная «вторичная» или «квазироль» [9, с. 142–143].

Что же касается роли, которую М.В. Всеволодова приписывает именовым группам, обозначающим каузирующий элемент ситуаций со значением состояния лица, – это стимул-2 – роль типа пациенс – одна из ролей, которыми представлен неодушевленный пациенс. Стимул-2 – это предмет, событие или субстанция, вызывающие то или иное отношение к себе или состояние протагониста (лица в позиции подлежащего), воздействующего на последнего произвольно: 14. *С самого краешка острова он любовался брызгами, переливающейся радугой* (Лонге); 15. *Бакланову нравилось умение Гурина любую минуту жизни облечь в яркую оболочку* (Куваев) [9, с. 144–145].

В примере, демонстрирующем одушевленный пациенс: 16. *Я не влюблен в нее, разве чуть-чуть* (Кузьмин) [9, с. 144], одушевленный участник ситуации, соответствующий местоимению я, определяется как экспериенцер, то есть роль рангом ниже по сравнению с агенсом в связи с тем, что она охарактеризована предикатом состояния, а не действия [там же].

Изложение основного материала. Очевидным отличием ролей стимул-1 и стимул-2 является их позиция в поверхностной структуре

предложения – позиция подлежащего и дополнения соответственно. В примерах с ролью стимул-1 актанты, выполняющие эту роль, помещены в позицию подлежащего, и они каузируют то ли действия, поведение, то ли состояние одушевленных и неодушевленных актантов, подвергающихся такому воздействию и выраженных в позиции дополнения поверхностных структур высказываний. В примерах с ролью стимул-2 одушевленные актанты, помещенные в позицию подлежащего поверхностных структур, подвергаются воздействию со стороны неодушевленных актантов, находящихся в позиции дополнения и тоже каузирующих состояние или предполагаемое поведение первых. Однако стимул-2 классифицируется как пациент, а стимул-1 – как протагонист. Но, как уже было упомянуто выше, к ролям типа протагонист М.В. Всеволодова относит все типы субъектных (в концепции этого лингвиста – занимающих позицию подлежащего) ролей – как активные (*Отец копает яму*), так и пассивные (*Иван мертв*). А для класса ролей объектного типа (занимающих позицию дополнения) М.В. Всеволодова использует термин пациентив [9, с. 135].

То есть классификация ролей делается в данной концепции изначально на основе позиции семантического элемента в поверхностной структуре высказываний и его одушевленности или неодушевленности [9, с. 141; 144]. Нам представляется более оправданным подход А.Е. Кибрик, Ван Валина и У. Фоли, которые пассивные роли в позиции подлежащего определяют в качестве пациента [цит. по 9, с. 135] или претерпевающего [7].

Из определения стимула-2 единственным семантическим признаком, который мог бы помешать этой роли быть продвинутой в ранг самого активного элемента ситуации, – это признак произвольности воздействия этих актантов. Однако именно от данных элементов исходит воздействие, каузирующее состояние и, вполне вероятно, определенные действия субъектов восприятия этих предложений. Так, в предложении 14 человек мог идти куда-то или быть занятым чем-либо до того, как он увидел *красоту брызг и переливающейся радуги*, которая заставила его остановиться и любоваться ею. В предложении 15 потенциал агентивности актанта, соответствующего слову *умение* очень высок, так как это *умение* могло *любую минуту жизни облечь в яркую оболочку*. При наличии дезактивирующего дательного падежа, которым языковое сознание оформляет субъект восприятия, характеризуемый предикатом *нравиться* нельзя безоговорочно согласиться с

приписыванием семантическому элементу *умение Гурина* пациентивной роли. К тому же произвольность воздействия не является решающим фактором при определении агентивности – неагентивности участника ситуации. Давая определение роли агенса, которым является намеренный инициатор ситуации, контролирующей ее и непосредственно выполняющий действие, М.В. Всеволодова оговаривает, что агенсом называют и протагониста в ситуации произвольного действия: 17. *Впопыхах я проскочил кабинет, и мне пришлось вернуться* [9, с. 142]. Автор не высказывает своего отношения к таким примерам и, следовательно, не возражает против возможного отсутствия признаков намеренности действия и, соответственно, контролирования ситуации у роли агенса.

Необходимо рассмотреть такой тип семантических актантов, который М.В. Всеволодова называет стимул-1. Изначально, предваряя классификацию ролей типа «протагонист», М.В. Всеволодова пишет, что в ситуациях с акциональными предикатами одушевленный протагонист представлен ролями агентивного типа, а неодушевленный протагонист выступает в специфических ролях [там же]. То есть, даже несмотря на то, что семантические элементы, подпадающие под роль стимул-1, определяют поведение, отношение или характеристики других участников ситуации, в том числе и одушевленных, агенсами они не могут быть только потому, что в определении этой роли задано соответствующее ограничение – роль агенса приписывается только одушевленному партиципантам. Что же касается периферийности положения, которое, по мнению М.В. Всеволодовой, стимул-1 занимает в зоне протагониста на том основании, что эта роль пересекается с ролями объектного и сирконстантного типов, то, на наш взгляд, действительно имеющее место пересечение вышеупомянутых ролей доказывает обратное – ядерность положения роли типа стимул-1 в зоне агенса.

Роль стимул-1 образуется каузативным отношением – отношением причинения. Под термином «каузация» мы понимаем языковую репрезентацию логико-философской категории причинности, обозначающей генетическую связь между отдельными состояниями предметов реальной действительности. Сущностью причинности является порождение причиной следствия, то есть это внутренняя связь между тем, что уже есть и тем, что им порождается [12]. Каузация, представляющая в языке причинно-следственные отношения, является своеобразным структурно-семантическим биномом.

Семантическая бинарность обусловлена комплексным характером означаемого данного биннома, содержащего как каузирующую, так и каузируемую ситуации. Бинарность семантики, в свою очередь, обуславливает бинарность структурной организации. Таким образом, каузация обозначает субъектно-объектные отношения, построенные на причинении через обусловленность [8].

Итак, каузация как языковое воплощение причинно-следственных отношений представляет собой частный случай обстоятельственных отношений, указывающих на «...совокупность конкретных условий, в которых совершаются, происходят какие-либо явления, процессы, события, факты, связанные с чем-нибудь, сопутствующие, сопровождающие что-либо или вызывающие появление чего-либо...» [11, с. 399].

Следовательно, отмечаемое М.В. Всеволодовой пересечение значения роли стимул-1 с ролями сирконстантного характера объясняется каузативной природой этих ролей и тем, что, как пишет сама М.В. Всеволодова, ФСП причинности входит в объединение ФСП обусловленности, включающее поля условия и цели [9, с. 90]. Именно этой включенностью ФСП причинности в объединение ФСП обусловленности объясняются указанные М.В. Всеволодовой зоны пересечения ФСП причинности с ФСП:

– темпоральности: 18. *По осени рыба хорошо клевала;*

– локативности: 19. *Под толстым слоем снега озими не замерзнут;*

– квалитативности: 20. *В новом платье она выглядела моложе и стройнее;*

– квалитативности и квантитативности: 21. *Совсем крошечный, он легко мог потеряться в этой толпе* [9, с. 95].

Подтверждением пересечения зон этих ФСП является и то, что, по наблюдениям М.В. Всеволодовой, придаточные предложения причины могут взаимозаменяться с придаточными предложениями места и определительными: 22. *Я ушел с террасы, потому что меня там донимали комары;* и *Я ушел с террасы, где меня донимали комары.* 23. *Завтра я поеду к сестре, потому что я ее давно не видела;* и *Завтра я поеду к сестре, которую я давно не видела* [там же].

О семантической связи понятий условия, мотивировки, результата, времени и объединяющего их понятия причины пишет Ю.Д. Апресян [1, с. 130]. Наличие каузальных значений у временных отношений упоминается Н.Д. Арутюновой [2, с. 187].

Именно каузативный компонент значения обстоятельств времени и места, на наш взгляд,

объясняет семантическую полуконтролируемость и демиактивность конструкций с дезактивирующим дательным, приводимых в качестве примеров дезактивирующего преобразования Т.В. Булыгиной: 24. *Как вам там путешествуется?* 25. *Надеюсь, вам там хорошо гастролируется;* 26. *Сегодня композитору что-то не импровизируется;* 27. *Сегодня на семинаре нам хорошо пофилософствовалося;* 28. *...со стороны ему рассуждается вольнее и яснее* (Добролюбов); 29. *Здесь мне легко мыслится* [6, с. 79]. В предложениях 27, 28, 29 каузирующие обстоятельства вынесены в начало предложения. Таким образом, в этих предложениях субъективно и объективно значимые элементы функционально-семантических структур (топик и агенс соответственно) совмещены в поверхностной структуре предложения. О каузированнойности ситуаций рассматриваемых предложений свидетельствуют объектный падеж местоимений, обозначающих полуконтролирующих ситуацию и, следовательно, демиактивных участников. На обязательность существования каузирующего элемента в ситуациях, обозначаемых этими предложениями, указывает неопределенное местоимение *что-то*, замещающее пустующую в силу ее неопределенности позицию причины. В отсутствие какой-либо более частной причины в составе условия *сегодня* эта функция каузатора, обуславливающего расстановку сил данной ситуации, всецело принадлежит обстоятельству времени.

Т.М. Николаева обратила внимание на функцию неопределенных местоимений *что-то* и *какой-то* в высказываниях, описывающих ненормативные ситуации: 30. *Какой-то хлеб сегодня несвежий!* 31. *Что-то сон одолевает.* Автор отмечает, что при таком употреблении местоимения относятся ко всему высказыванию в целом [13, с. 54–55].

Н.Д. Арутюнова ссылается на наблюдение Е.М. Вольф, заметившей ошутимость позиции обстоятельства причины, которая часто замещается неопределенным местоимением, в сообщениях об отклоняющихся от нормы ситуациях: 32. *Поезд почему-то опоздал.* Соотнесенность неопределенных местоимений *что-то* и *какой-то* с идеей причины подтверждается неестественностью распространения таких предложений эксплицирующими придаточными предложениями причины: 33. **Сосед какой-то расстроенный, потому что жена от него ушла.* Н.Д. Арутюнова указывает и на очевидность причинного значения у местоимения *что*: 34. *Ты что (= почему) сердишься?* [2, с. 301].

На основании данных наблюдений Н.Д. Арутюнова утверждает наличие связи ненормативных явлений с концептом причины, закрепленную в семантике и синтаксисе, так как местоимение *почему-то* нельзя включить в высказывания о нормативном и регулярном: 35. **Уже сентябрь; почему-то поспели яблоки*, но 36. *Уже сентябрь, но яблоки почему-то еще не созрели* [там же]. Однако, на наш взгляд, неопределенные местоимения в данных употреблениях указывают даже дискретностью своей формы на необходимость замещения своей позиции определенной причиной. В предложениях с выясненной причиной положения дел в ситуации позиция обстоятельства причины или заполнена эксплицитно выраженной причиной или редуцируется, если она подразумевается и легко может быть восстановлена. Неестественность примера 35. **Уже сентябрь; почему-то поспели яблоки* объясняется тем, что в нем есть определенная причина *уже наступил сентябрь*, порождающая определенное следствие *поспели яблоки*. Поэтому неопределенное местоимение *почему-то*, говорящее о неизвестности причины в данной ситуации несовместимо с обстоятельством времени, обозначающем причину события следственной части.

Рассматривая синтагматическое взаимодействие значений оценки и инфинитива, Н.Д. Арутюнова отметила, что инфинитив в предложениях гедонистической оценки может замещаться разнообразными обстоятельственными оборотами: 37. *Хорошо с тобой*; 38. *Плохо сейчас в лесу*. Инфинитив в предложениях намерения (желания) допускает замены при наличии частицы *бы*: 39. *Хорошо бы в лес*; 40. *В лес бы* [2, с. 194].

Для нашего исследования эти примеры интересны тем, что оценка указывает на действительную причину каузируемого состояния (содержания предикации), выраженную обстоятельственными оборотами. Эти предложения подтверждают в высшей степени важный семантический механизм синтагматического действия оценочных предикатов, выявленный Н.Д. Арутюновой – наречия, в том числе и оценочные, относятся к глаголу, который, по мнению Н.Д. Арутюновой, является ядерным компонентом предложения, но радиус их действия не ограничивается глаголом [2, с. 202].

Инфинитив предложений 37–40 как отдельная языковая единица поверхностной синтаксической структуры устранен и входит в семный состав обстоятельств в силу привычности сочетаний *быть в лесу, пойти в лес*. Предложно-падежная форма обстоятельств синкретично

выражает и значение предикатов местонахождения и направленного движения. Устраненными в этих предложениях являются и субъекты предизируемых состояний, которые восстанавливаются в виде объектных форм дезактивирующего дательного падежа и семантическими агенсами, соответственно, не являются, что доказывается и формально, и семантически – они являются актантами, подвергаемыми каузации. В поверхностной синтаксической структуре остаются только каузирующие элементы и оценка вызванного ими состояния субъектов. Каузированность состояния субъектов последних двух примеров оформляется и модальностью желания – оптативом, причем поверхностная структура последнего примера редуцируется до каузирующего элемента и частицы *бы*, выражающей оптативность (желательность) следствия – состояния лица, синкретично выраженного оценочным наречием.

Эти примеры поднимают вопрос о соотношении синтагматических и семантических ролей предикатов и обстоятельственных элементов предложений, так как в рассмотренных предложениях очевидно доминирующее положение обстоятельств по отношению к глагольным предикатам.

Доминантная роль обстоятельств причины по отношению ко всей семантической структуре высказывания отмечалась и Т.М. Николаевой, когда она указывала на то, что неопределенные местоимения *какой-то* и *что-то* в высказываниях о ненормативных ситуациях связаны со значением причины и относятся ко всему высказыванию в целом [13, с. 54–55].

Доминантная функция сирконстантов в семантических структурах предложений утверждается и В.В. Богдановым. Однако разрабатывая вербо-центрическую теорию семантико-синтаксической организации предложения, В.В. Богданов говорит об отношении подчинения, которое существует между сирконстантами и предикатами, которым отводится ключевая роль в семантической организации предложения [5, с. 39], не рассматривая отношений между сирконстантами и актантами.

Включающе-предикатный характер, по мнению В.В. Богданова, имеют не только приаъективные и приглагольные наречия-сирконстанты, но и предложно-падежные формы, традиционно именуемые в грамматике обстоятельствами, то есть сирконстанты времени, цели, следствия, результата, причины, условия, уступки и образа действия. В.В. Богданов замечает, что, несмотря на то, что синтаксически сирконстанты в большинстве случаев подчинены сказуемому, семантически они образуют

предикатные выражения с имплицитным предикатом, который подчиняет себе предикат, выраженный сказуемым. В качестве доказательства наличия этого имплицитного предиката автор делает следующие преобразования предложений с обстоятельствами причины и цели: 43. *Они не могли уехать из-за плохой погоды* = 44. *Плохая погода была причиной того, что они не могли выехать*; 45. *Они делали все ради повышения производительности труда* = 46. *Повышение производительности труда было той целью, ради которой они делали все* [5, с. 96]. На основании таких трансформаций В.В. Богданов приходит к выводу о том, что нет необходимости вводить такие семантические функции, как причина, цель, время, условие – эти семантические отношения целесообразнее выражать в виде особых предикатов [5, с. 97].

Однако вряд ли можно согласиться с тем, что в словах, которые оформлены языком в виде существительных и которые не изменили своего грамматического статуса в результате предложенных В.В. Богдановым трансформаций, мы должны видеть предикаты. С чем мы считаем необходимым согласиться и что, по нашему мнению, является значительным вкладом в семантико-синтаксическую теорию, – это отнесение лингвистом модальных и каузативных предикатов к числу включающих и понижающих основные предикаты в семантической иерархии по крайней мере на одну ступень [5, с. 119–120]. Такое понимание этих предикатов соответствует трактовке наклонения как шифтерной категории Р.О. Якобсоном [15]. К суперпредикатам, действующим в пределах сложного предложения или «превращающих простые предложения в сложные», Ю.С. Степанов относит, наряду с

кванторами общности, существования, отрицанием и утверждением, союзы причины, следствия, цели, времени и некоторые союзные слова (например, такие как *потому, что; для того, чтобы; не..., а...;*), предлоги (47. *Они отказались от поездки из-за мороза*) [14, с. 318–320]. Эти категории языковых единиц действительно выражают отношения между актантами семантической структуры предложения, что является категориальной характеристикой предиката, к тому же отношения, выражаемые ими, имеют генерализирующий, холистический характер, то есть выражаются самые обобщенные отношения семантико-синтаксической структуры в целом [3; 4].

Что же касается каузирующих сирконстантов, представленных языком в виде предложно-падежных форм существительных, то мы считаем необходимым рассматривать их в качестве гиперроли агенса, действующей на уровне целостной структуры предложения и оказывающей определяющее воздействие на семантическую структуру всего предложения.

Выводы. Таким образом, все роли, соответствующие каузирующему элементу семантических структур предложений, отражающих причинно-следственные отношения, мы будем относить к роли агенса. При необходимости создания более дробной классификации языковой картины мира такую обобщающую функционально-семантическую категоризацию элементов высказываний можно подразделить на более частные роли с учетом таких лексических значений, как одушевленность – неодушевленность, представители животного мира, явления природы и так далее.

Список использованных источников

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
3. Билан Н.И. К вопросу о семантико-синтаксической трактовке субъектно-предикатных отношений // Вісник Дніпропетровського університету. Сер. Мовознавство. – 2005. – Вип. 11, Т. 1, № 2/1 – С. 56–62.
4. Билан Н.И. Семантико-синтаксический анализ высказываний английского языка // Материалы докладов XI международной научно-практической конференции «Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований». – Т. 2. – North Charleston, USA, 2017. – С. 159–163. (27 – 28.02.2017)
5. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Лен. ун-та,

References

1. Apresân Ū.D. Leksičeskaâ semantika. Sinonimičeskie sredstva âzyka. – M.: Nauka, 1974. – 367 s.
2. Arutunova N.D. Tipy âzykovyh značenij. Ocenka. Sobytie. Fakt / AN SSSR. In-t âzykoznanîâ. – M.: Nauka, 1988. – 338 s.
3. Bilan N.I. K voprosu o semantiko-sintaksičeskoj traktovke sub"ektno-predikatnyh otnošenij // Visnik Dnîprpetrov's'kogo unîversitetu. Ser. Movoznavstvo. – 2005. – Vip. 11, T. 1, # 2/1 – S. 56–62.
4. Bilan N.I. Semantiko-sintaksičeskij analiz vyskazyvanij anglijskogo âzika // Materialy dokladov XI meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii «Aktual'nye napravlenîâ fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij». – T. 2. – North Charleston, USA, 2017. – S. 159–163. (27 – 28.02.2017)
5. Bogdanov V.V. Semantiko-sintaksičeskaâ organizaciâ predloženîâ. – L.: lzd-vo Len. un-ta, 1974. – 203 s.
6. Bulygina T.V. K postroeniû tipologii predikatov v russkom âzyke // Semantičeskie tipy predikatov / AN SSSR In-t âzykoznanîâ. – M.: Nauka, 1982. –

1974. – 203 с.
6. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / АН СССР Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 7–86.
  7. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – С. 376–411.
  8. Веливченко В.Ф. Языковые средства реализации каузативно-следственных отношений в тексте (на материале совр. англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Киевский гос. пед. ин-т иностр. языков – К.: 1990. – 17 с.
  9. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: МГУ, 2000. – 502 с.
  10. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка – М.: URSS, 2016. – 649 с.
  11. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1976. – 720 с.
  12. Кузнецов И.В., Сачков Ю.В. Причинность // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 511–512.
  13. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1985. – 169 с.
  14. Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов // Изв. АН СССР Сер. Лит. и яз. – 1980. – Т. 39, № 4. – С. 311–323.
  15. Якобсон Р. Избранные работы / Пер. с англ., нем., фр. языков; Сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
  7. Van Valin R., Foli U. Referencial'no-rolėvaâ grammatika // Novoe v zarubežnoj lingvistike. – M.: Progress, 1982. – Vyp. XI: Sovremennye sintaksičeskie teorii v amerikanskoj lingvistike. – S. 376–411.
  8. Velivčenko V.F. Âzykovye sredstva realizacii kauzativno-sledstvennyh otnošenij v tekste (na materiale sovr. angl. âz.): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Kievskij gos. ped. in-t inostr. âzykov – K.: 1990. – 17 s.
  9. Vsevolodova M.V. Teoriâ funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoj (pedagogičeskoj) modeli âzyka: Učebnik. – M.: MGU, 2000. – 502 s.
  10. Vsevolodova M.V. Teoriâ funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment fundamental'noj prikladnoj (pedagogičeskoj) modeli âzika – M.: URSS, 2016. – 649 s.
  11. Kondakov N.I. Logičeskij slovar'-spravočnik. – M.: Nauka, 1976. – 720 s.
  12. Kuznecov I.V., Sačkov Ū.V. Pričinnost' // Filosofskij ènciklopedičeskij slovar'. – M.: Sovetskaâ ènciklopediâ, 1989. – S. 511–512.
  13. Nikolaeva T.M. Funkcii častic v vyskazyvanii (na materiale slavânskikh âzykov) / AN SSSR. In-t slavânovedeniâ i balkanistiki. – M.: Nauka, 1985. – 169 s.
  14. Stepanov Ū.S. K universal'noj klassifikacii predikatov // Izv. AN SSSR Ser. Lit. i âz. – 1980. – T. 39, # 4. – S. 311–323.
  15. Âkobson R. Izbrannye raboty / Per. s angl., nem., fr. âzykov; Sost. i obš. red. V.A. Zveginceva – M.: Progress, 1985. – 456 s.

Відомості про автора:

Білан Наталія Іванівна
philper@ua.fm

Дніпропетровський національний університет
залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна
вул. Ак. Лазаряна, 2, м. Дніпро,
49010, Україна

Information about the author:

Bilan Natalia Ivanovna
philper@ua.fm

Dnipropetrovsk National University of Railway Transport
named after academician V. Lazaryan
2 Lazaryana St., Dnipro,
49010, Ukraine